

Шурова Анна Александровна

Воронежская область, Семилукский район, г. Семилуки

МКОУ «Семилукская средняя общеобразовательная школа № 1»

Тематическое направление: И 100, и 200 лет пройдет, никто войны забыть не сможет...

Монолог, которого не было

Как хорошо, открывая утром глаза, смотреть в окно на ярко пылающее солнце или слушать тихо играющий по крышам зданий дождь. Гулять по оживленным улицам города или бродить по скромным переулкам. Что может быть прекраснее чем, сидя за интересной книжкой мечтать о будущем? Разве что только воплощать эти мечты в жизнь. Все это - свобода. Мы относимся к нашей свободе как к чему-то естественному, обыденному, даже не задумываясь о том, какова ее цена. А цена жестокая - миллионы людских жизней, которые безвозвратно унесла война.

Великая Отечественная война- поистине страшное событие. Ущерб, нанесенный ей миру, а особенно нашей Родине, колоссален. Многие в человеческой жизни поправимо: разрушенные дома построят, вырубленные и сожженные деревья посадят, но ничто и никто не вернет к жизни погибших на поле боя солдат и убитых, умерших от голода и холода женщин, детей, стариков. Одна эпоха придет на смену другой, страна будет оправляться от старых ран и приобретать свежие, пока не наступит следующая эпоха жизни человечества, а все, что останется от людей, жизнь которых забрала война, это память. Наш долг - помнить о тех, кто ценой собственной жизни каждый день приближал нашу страну на шаг к победе. Даже если этот человек не воевал, а просто не выдал фашистам советского летчика ценой собственной жизни и своих близких. История про мою землячку Прасковью Щеголеву

настолько поразила меня, что я попыталась представить, о чем думала в последний день своей жизни эта простая деревенская женщина.

Один год, два месяца и двадцать три дня шла та война. Фашисты на нашей земле... Голод, плач детей, больные глаза стариков. Но надо жить, растить детей, поддерживать мать. Нужно сходить за картошкой, и тогда продержимся еще какое-то время. А там, может, и наши придут?

Я решила ненадолго уйти из дома, где мы сейчас жили, чтобы накопать картошку на брошенном огороде. Дети голодные, а урожай пропадает. Только матери могут понять, как тяжело смотреть на худых, недоедающих ребят. Спросив у коменданта разрешения и взяв с собой мать, детей и сына сестры, я пошла на огород, оставив в доме только дочку Таню. На дворе уже стояла середина сентября или, как эту пору мы называли в селе, – «бабье лето».

Только мы с детьми начали копать огород, как услышали глухой звук гудящего мотора. Через несколько секунд на холме, близ реки, упал самолет, а затем он стремительно покатился вниз по склону и остановился прямо у нас в огороде. Сердце моё всколыхнулось, а дыхание будто бы замерло, а я вдруг разглядела на самолете красные звезды. Времени на раздумья не было, я тут же кинулась спасать нашего летчика, ведь на счету была каждая секунда. Схватив лопату, я начала забрасывать огонь землей, чтобы самолет не загорелся. Затем я быстро вытащила потерявшего сознание летчика. Казалось, будто бы всё идет слишком медленно, но на самом деле прошло не более двух минут. Как только сын растолкал летчика за плечо, тот открыл глаза и замер на несколько секунд, словно в голове у него проносились только что произошедшие события. Быстро придя в себя, он спросил: «Куда мне деваться?». Я указала ему дорогу вниз к оврагу, где он смог бы укрыться, и дала ему гражданскую одежду. Прошло уже, наверно, пять минут, но для меня целая вечность.

В душе у меня всё было беспокойно, но я не паниковала или, может быть, заставляла себя так думать. В любом случае паниковать было некогда. Я четко осознавала, что полицаи уже бегут к месту крушения самолета и у меня оставалось всего несколько минут, чтобы понять, что делать. Но, как оказалось, и их не было. Приняв решение не выдавать летчика, я успела только сказать детям, чтобы они молчали, а я буду отвечать на все вопросы сама. Несмотря на то, что я была обычной колхозницей, я понимала, что спасти летчика теперь было для меня делом чести и совести. Этот летчик воевал за меня, моих детей, мою мать... Жертвуя собой на фронте, он не боялся смерти, вот пришло и мое время выполнить свой долг. Тем временем фашисты уже подбегали к нам.

Я думала только о детях, стараясь не представлять, что нас ждет, понимала, что растила их с любовью, учила быть верными Родине и делать все по совести. Поэтому даже пятилетний Николаша понимал меня. Все эти мысли читались в его глазах и в глазах всех моих детей. Но от этого не становилось легче: страх начинал вытеснять все остальные чувства, становилось тяжело дышать.

Опустив на мгновение веки, а потом открыв, я увидела перед собой немцев. Они начали допрашивать меня и мою семью, пытаюсь выяснить, куда пошел летчик. Вздыхнув, я хладнокровно, будто с не понимающими происходящее глазами, ответила, что ничего не видала, дескать, не до того, чтобы по сторонам смотреть. Да, они не поверили. Хотя, если честно признаться самой себе, я другого и не ожидала. В голове моей мысли спутались, как пряжа, сердце колотилось, как проклятое, руки и губы мои уже хотели задрожать от непонимания, что будет дальше, но я им не позволила, чтобы дети не видели моей слабости.

Когда немцы снова задали вопрос, я промолчала и в ту же секунду ощутила жуткое жжение на щеке, а следом на другой. Мне понадобилось

несколько секунд, чтобы понять, что меня ударили пистолетом. В этот момент я закрыла глаза, но не сморщилась от неожиданного удара и боли, а сердцу будто было мало груди. Оно выпрыгнуло и резко замерло в ожидании. Вдруг они схватили Сашу и повели его в соседний дом.

Я не понимаю, почему не кинулась за ним, почему не закричала. Именно в этот момент я задыхалась, я не могла и слюны проглотить, а зубы были стиснуты так, что казалось, будто челюсти раздавят друг друга. Мне хотелось услышать его голос, голос сына: я понимала, что не услышу его больше никогда. Ни-ко-гда... Страшное слово...

Все эти мысли пронеслись в моей голове за секунду. А потом там остались только вопросы фашистов и грохот ударов.

Дети и мать боялись - я тоже. Но кроме страха были еще чувства: где-то в глубине души гордость за храбрость и преданность сына, и грела надежда, что он меня поймет. Несмотря на мое внутреннее состояние, я стояла как истукан, не двигаясь и не издавая ни звука. Прошло не так много времени, как фашисты вышли из дома без Саши, но надежда, что он живой, не покидала меня, а гордость росла. Ведь они возвращаются, а значит, сын ничего им не сказал.

Все это время яростно рычали псы, которых жандармы привели с собой и чей лай я не слышала до этого. Немцы накинулись на меня, мать и даже на детей. Вот тот момент, когда сердце мое остановилось, ибо я поняла, что пройдет немного времени и биться ему будет не для кого. Я видела, как их всех избивают, но не могла выдать летчика, я не могла ничего сделать, не могла помочь им. Я чувствовала такую боль, нет, не физическую, удары казались мелочью по сравнению с тем, что я видела. Вот они, эти здоровые, сытые чужаки, издеваются нам моей семьей, в моем доме! Так невыносимо было смотреть на это, но не смотреть было невозможно! Если бы мои родные не чувствовали на себе моего взгляда, они бы решили, что мне все равно, или

хуже того, что я не люблю их. Как трудно было не зарыдать, заорать, завывать от горя, боли и мучения, но нельзя. Я ни в коем случае не должна показать слабость.

Я не ощущала времени, секунда равнялась жизни, но вдруг немцы спустили собак. Я мгновенно почувствовала, как острые клыки впиваются в мое костлявое тело и разрывают меня на части.

«Мама! Дети! Мои дети! Простите меня родные! Умоляю!» - хотела закричать я, но, не понимая почему, молчала. Молчала, слыша их страшные крики, видя, как самое дорогое, что я имею в жизни, рвут живьем. Эти крики ни с чем не сравнимы, они рвали мне грудь больнее, чем проклятые псы, лишая меня сознания. Молчаливые слезы незаметно катились из глаз, обжигая сердце, капая на сырую землю, но их никто не видел. Я так хотела, чтобы родные не сомневались в том, что я люблю их. Телесная боль гасла в сравнении с тем, как страдала душа.

Раздались громкие хлопки. Немцы начали стрелять, но я уже ничего не могла слышать, кроме жалобных стонов. Мою семью расстреливали по одному – меня убивали по частям. Когда пистолет направили в мою сторону, я была уже мертва.

В оставшиеся мгновения в моей голове успели промелькнуть мысли о том, как я горжусь матерью и детьми. Кроме криков они не произнесли ничего.

Простите меня, мои родные, мои любимые! Я не могла по-другому, вы - тоже. А ты, советский летчик, отомстишь за нас, проживешь за себя и за нас, помолишься за моих детишек, мать... и за меня грешную.

Сознание мое погасло, я не могла больше ни думать, ни чувствовать боль - никакую...

Так ли думала моя землячка в свои последние минуты? Об этом не знает никто. Но мне именно такой представилась исповедь Прасковьи Ивановны

Щеголевой. Она стала настоящим примером самопожертвования и стойкости духа. Простая, ничем не отличавшаяся от других русская женщина навсегда останется в истории Великой Отечественной войны и своего родного Воронежской края. В современном мире все больше людей высказывают свои предположения о том, что смерть детей и матери не стоят жизни одного солдата. Мы не имеем права судить о её поступке и о том, как ещё ей можно было поступить. Пусть те, кто осуждает её, остаются при своем мнении. Для меня же, как и для большинства людей, это, безусловно, подвиг, о котором нельзя забывать, а имя Прасковьи Ивановны Щеголевой навсегда останется бессмертным.